

18+

Юрий Меркеев

Игра в исповедь

повесть

Юрий Меркеев

Игра в исповедь. Повесть

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Игра в исповедь. Повесть / Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934257-7

В повести есть интрига, авантюра, детектив, любовь, поиски счастья. Можно ли построить счастье с помощью приятных заблуждений? Или придет разочарование, которое всегда ТРЕЗВИТ? В мире абсурда важно и первое, и второе. Автор благодарит Светлану Добычину из Москвы и Наталью из Калининграда. Многие идеи повести родились из переписки. В добрый путь, читатель! Скучать не придется.

ISBN 978-5-44-934257-7

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игра в исповедь

Повесть

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2020

ISBN 978-5-4493-4257-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГРА В ИСПОВЕДЬ

Авантюрная повесть, почти детектив

«Чем глубже погружение, тем меньше цветов открывается глазам

Иллюзия отсутствия. Привычка верить только в то, что видишь. И кружит серый лабиринт подводных городов и кажется черной глубина... там, куда не проникают солнечные лучи всегда темно и страшно.

А чутьпустишь Свет, краски заиграют, весело скользя по поверхности, переливаясь серебристыми плавниками, создавая дивные миры в сердцах коралловых рифов...»

Светлана Добычина «Лабиринт»

1

На иерусалимском аукционе были проданы короткие заметки о счастье Альберта Эйнштейна. Приобретатель выложил за них почти два миллиона долларов. Ирония в том, что великий ученый записал всего несколько простых фраз. Одна из них звучит так: «Спокойная скромная жизнь приносит больше счастья, чем стремление к успеху и вечное беспокойство». Такую формулу счастья мог бы повторить любой провинциал с двумя классами образования. И тем не менее. Скорее всего, записки о счастье – это продуманный и взвешенный опытом всей жизни продукт. Причем, не для внешнего потребления, а для внутреннего. А стало быть, в искренности записок за два миллиона долларов сомневаться не приходится.

Есть, о чем подумать.

Пожалуй, сегодня я согласился бы с ним. Лет сорок назад поднял бы на смех всякого, кто осмелился бы произнести вслух это «молитвенное правило премудрого пескаря». Теперь я не стал бы поспешно язвить над этим, но прибавил к этой короткой формуле еще кое-что из составляющих счастья.

В этом году зарекся больше не сочинять романов. Если можешь не писать – не пиши. Я могу не писать. Счастья от этого не убавится. Однако нынешняя повесть появилась не сама по себе. Началось все со знакомства с женщиной, которая уговорила меня дать интервью. Тогда я и предположить не мог, как развернется сюжет. Поверьте, если бы можно было не писать, я не стал бы этого делать. Тем более, придумывать мне ничего не пришлось. Иногда фотографический рисунок много интереснее художественного.

Нет ничего случайного в нашей жизни. Особенно неожиданные знакомства с людьми. Я бы сказал, чудесные встречи.

Живу я на окраине маленького поселка рядом с полицейской зоной. Просыпаюсь по многолетней привычке без будильника ровно в пять и выхожу на прогулку. Утренний променад совершается по тропинке вокруг колонии. Так изо дня в день, из года в год. Кажется, за это время я изучил маршрут до мельчайших деталей. Наверное, смогу пройти по нему с завязанными глазами, ориентируясь на звуки и запахи. Это моя «канавка», которую я протоптал не только на земле, но и в собственном сердце.

Вместе со мной просыпается – место угрюмой заводской цивилизацией и деревней. Местные жители называют так пограничное пространство, отделяющее заводские корпуса от частных домов с личным подворьем. Промежность – это не город и не деревня. Это своеобразный мутант, включающий в себя признаки первого и второго. Причем, не самые жизнеутверждающие. Возможно, потому и зовут эту местность двусмысленным словом «. А как иначе? Высокие трубы, коптящие небо, корпуса цехов, похожие на гнилые зубы гигантского монстра. Изъеденные кроны деревьев. Огромные грибы неясного происхождения. Пыль, грязь, серость. Затхлые запахи. И постоянный гул, от которого постепенно сходишь с ума. Три гигантских завода, связанных с черной металлургией, растянулись щетинистым гребнем вдоль реки. Заводы прошли разные степени существования, от расцвета до упадка. Предприятия заболели, банкротились, дробились на отдельные цеха, продавались иностранцам, перепродавались российским олигархам, снова банкротились, но при этом продолжали бесцеремонно коптить небо. Последние годы будто бы пошло возрождение, но процесс заглох на стадии полураспада. Теперь много коптят и мало производят. Впрочем, люди смирились с этим. Ибо ничего другого нет. *«промежность» между промежность»*

Полюбить «промежность» я не смогу, однако привычка рождает терпение, а терпение производит формы самообмана. Возможно, когда-нибудь я произнесу философскую фразу: «Мне нравится мое место проживания, потому как, если нет возможности изменить внешние обстоятельства, необходимо поменять отношение к ним». Я живу так долго, что уже сей-

час могу сказать, что в каком-то смысле не могу обходиться без родной своей. Иначе нельзя. Нужно стараться и в черноту входить со светильником. Одухотворить можно все, исключая мертвечину. Однако жизнь теплится даже в аду. Значит, одухотворить можно и «промежность». В ней я пытаюсь отыскать хотя бы отраженное солнце. И у меня это получается. В центре окружности, по которой я совершаю утренние прогулки, расположена небольшая церковь. Построили ее для заключенных. Но для это символ мироздания, душа пространства. До нее невозможно добраться людям с воли, можно только видеть и слышать. Но и вижу я ее не всегда. Слышу не регулярно. Когда «промежность» задыхается собственными нечистотами, храм тонет в густой и весомой серости. Словно туча свинцовой пыли поднимается из земных недр. Однако во всяком проявлении жизни я научился находить интерес. И в красивой полнокровной радуге, и в болезненном сплине. Деревянная церковь была, есть и будет даже тогда, когда не станет «промежности». Впрочем, есть у меня стойкое ощущение, что и в самой космически далекой перспективе полицейская колония будет жить, а вместе с ней и крохотная церквушка. Возможно, со временем они расцветут и наполнятся новой кровью. Параллельно. Это закон: чем больше богатых людей согрешает, тем живописнее строятся церкви. Одно дело две лепты вдовицы, иное – вагон кирпича проворовавшего чиновника. *«промежности». меня утреннего*

Когда заводы замирают на время, и оседает пыль, яснее становится солнце. Небо воспламеняет над «промежностью» прозрачным синим куполом, золоченые маковки храма сияют отраженным солнцем. Душа радуется. Потому что маленький храм становится реальным символом жизни.

Пять часов. Рассвет только брезжит по окраинам низкого темного неба. Идет борьба света и тьмы. Борьба очевидная, со звуками, крепкими словцами, скрипом метафизического занавеса, который должен уступить усилиям света и раскрыться. Это август. Самый легкий месяц в году. Много отпускников. Мало работы. Благодать вливается по капле в образовавшуюся щель. Впрочем, это ненадолго.

Выхожу из дома.

Утро чихает паром и копотью, выводит из себя накопившие за год шлаки. Тишина вскрывается шипящим гимном уличной радиоточки, лаем сторожевых собак. После гимна слышится церковный колокол. Шелестят по окружной трассе первые маршрутки. Ночь бесследно уходит в механику бездушного утра. Радости просыпания нет. Она притаилась в темных закоулках дремлющего сознания, склонного к философской созерцательной лени. Антиномия изнасилованного утра налицо: если человечество понимает, что жизнь устраивается как сказка, тогда зачем в этой сказке столько адových неудобств? Задача неразрешимая. Как все противоречия, уживающиеся, скажем, в душе одного человека. А тут таких людей легион. Колония номер семь щетинится колючей проволокой, волей-неволей вынуждена рапортовать о бодром зачатии очередного рабочего утра.

Поселок просыпается вслед за лагерем. Простужено сипят петухи, вяло блеют овцы, звенят колодезными ведрами хозяйки деревенских домов. Вольные собаки по-соседски поругиваются со сторожевыми псами. Начинается какофония пробуждения многотысячного рабочего поселка. Со стороны завода тянется шлейф желтого ядовитого дыма, лязгают доки, рабочие ночной смены устало расходятся по домам. Над Черной речкой раздвигается завеса плотного тумана. Высвечиваются камуфляжные спины ранних рыбаков.

делает первые глубокие вздохи. Утро. Сонное оцепенение было коротким и тревожным, как забытье больного человека. *Промежность*

Соседи кивают головами. Мужики здороваются за руку. Ритуал.

– Привет, Петро, опять на прогулку? – спрашивает седой фермер-татарин Марат, просыпающийся раньше всех остальных, чтобы вывести стадо овец на полоску пойменного луга. – Как здоровье?

– Привет, Марат, – отвечаю я, пожимая сухую крепкую ладонь фермера. – Здоровье мое только с утра. Потом начинается борьба за это здоровье. Что поделаешь? Старость.

– Да, – соглашается он. – Старость. Заходи ко мне облепиху рвать. Я это дерево не обираю. А ягода полезная. Омолаживает.

– Спасибо, зайду. Грибы не появились?

– Почему? – удивляется он. – Я уже три корзины белых собрал. В затоне. Там леса хорошие.

– Надо сходить. Грибы-то есть можно?

– У нас я не беру. Опасно. Машка с поселка отравилась недавно. Внешне похожи на гигантские боровики, а внутри поганки.

– Что-то неладно в нашем королевстве.

– Грибы-мутанты.

– До людей не дошло? – смеюсь я.

– До людей? – не въезжает сразу татарин. – Я тебе так скажу. Раньше соседи были как соседи. Овец пасу на поле за домом. Хоть бы кто слово сказал. А теперь понастроили. Особняки, мать их. Напротив меня начальник полиции дочке отстроил три этажа. Рядом бизнесмены какие-то. Рынок держат. И мне уже замечания стали делать. Мол, от твоих овец пахнет. А что они хотели? Дачу своим детям хотят.

– А как же облепиха? Не портится?

– Ты что, Петр? Нешто я отравить хочу? У меня земля унавоженная. С черноземом. Для себя, чай, выращиваю. Несколько машин с затона привез. Скоро и овец перевезу. Присмотрел место у Больших орлов.

– Ну, извини. Приду.

Марат качает седой головой и растворяется в дымке тумана. Слышится дробный топот копыт, позвякивание колокольчиков и блеяние овец.

Я прохожу дальше.

В поселке обо мне мало знают. Даже соседи. Не общественный я человек. Хотя и работал когда-то в публичных пространствах.

Рассказывать о себе не люблю.

Не переносу исповедального тона. В писательском ремесле образы рождаются в глубинах «эго» и несут в себе столь же малое сходство с натурой, сколько слова, произносимые перед священником в таинстве покаяния, с мотивирующей их появление первоосновой. Поди-ка тут примени инструмент психоанализа – любая попытка поддеть откровенность за живое будет сродни ловли на крючок рыбы в мутной воде.

2

Живу я один. Привык. Ощущаю себя более чем уютно. Нормально ли это? Не знаю. Возможно, это ненормально для одиночек, которые проживают так всю жизнь. А у меня бывало всякое. И жена, которую любил. И женщины, которые открывали мне вертикали и горизонтали душевных удовольствий. И периоды обнуления, когда вертикаль пересекалась с горизонталью. Не унывал никогда.

Теперь глубоких отношений не завожу. Не вижу в этом никакого смысла. Поверхностные взаимности случаются от состояния души. Чаще я мрачен и нелюдим, но иногда на меня нападает веселость, а, порой, я счастлив настолько, что брожу по улицам с цветущей физиономией, точно городской сумасшедший. Публичности сторонюсь, потому что публичность всегда сопряжена с размытостью суждений. Кто меня хоть немного знает, слышал о том, что больше всего на свете я не терплю жанр сериальной пошлости, где сам бес не бес, а лишь жалкий паяц на зарплате у мастера. А страстишки – мыльные пузыри. Не могу я терпеть и сентиментальностей. Слюнявую болезненную форму общения я прижег раз и навсегда одной мыслью: «Не желаю впускать в свою душу разъедающий напиток неразвитых страстей. Слезы бывают разные. Я готов склонить колени перед слезами покаяния или острого ощущения бессмысленности бытия, но никогда не приму бытовой слезливости – сентиментального отношения к чужим ролям чужого кино». Иными словами, серой промежуточности не переношу. Хотя и живу в ее эпицентре.

Однако при этом сама плоть иногда требует стать героем какой-нибудь мелодрамы при условии, что я вполне осознанно отделяю актерство от существа жизни. Игра, игра, игра. Давно выскочил из этого возраста, но порой хочется поиграть в жизнь, исполненную страстей и переживаний. Для человека, лишённого всех зубов и половины памяти, эта игра сродни бодрящему напитку. Пусть это лекарство от скуки. Какая разница! Главное – избегать уныния, ибо уныние – страшный грех, из которого рождаются отвратительные идеи и мысли. Счастливый, радостный, влюбленный человек увлечен добром и веселостью. Мрачный тип ковыряется в собственных болячках, как мазохист-самоед. А расковырявши свои язвы, приступает терзать раны близких людей. Болезнь души рождает осуждение, осуждение углубляет болезнь. Мрачность, что яма, чем больше из нее берешь, тем глубже она становится. Не дай бог залезть в нее. Она как болото – начинаешь выбираться с грубыми усилиями, затягивает сильнее. Тут либо вытягивать себя за волосы как барон Мюнхгаузен, либо осторожно звать на помощь. Начнешь орать во все горло, и себя глубже усадишь, и помощников распугаешь воплями. Вопросы веры – это пожар. Нет времени для философских размышлений.

Однако лучше все обдумать заранее.

Давайте рассудим: для чего живет человек? Единственный смысл жизни состоит в приобретении счастья. Счастье – это и есть радость. Постоянная согревающая сердце величина. Разве кто-то может оспорить эту, по сути, простую истину? Каждый человек желает быть счастливым, но не каждый знает, что нужно делать для этого. Теперь я, кажется, понимаю, что нужно делать для счастья. Или не делать, чтобы счастье не размыть. Воля в человеке одна, но векторы усилий разные. Можно волевым усилием заставить себя что-то сделать, а можно отказаться от дела привычного и приятного. Последнее неизмеримо сложнее. Привычка – вторая натура. А привычка прессуется из приятностей. Иногда это уже почти камень. Попробуй-ка раздробить.

Я бы не решился на эту повесть, если бы несколько лет назад перед какими-то государственными выборами ко мне на интервью не напросилась местная журналистка. Разузнала где-то о литературной стороне моей биографии, выяснила, что у меня в записках несколько изданных книг. Покопалась в интернете и поняла, что на тот момент я заканчивал очередной роман. И начались телефонные звонки.

Поначалу я отнекивался, уклонялся от беседы, но она была настойчива и упряма. Без приглашения прикатила однажды на белом «седане» ко мне домой и оказалась . *абсолютно и натурально рыжей*

Должен признаться, я питаю слабость к рыжим женщинам, не знаю, почему. Это моя , на которую легко надавить, чтобы я стал вдруг покладистым и вежливым. Строптивость уходит куда-то в землю, как электрический ток, пронизывая меня по вертикали с головы до пят. Струится по спинномозговой жидкости. Высвечивает каждую клеточку существа. Вероятно, тут что-то от язычества, дремучее, твердое, побуждающее к наслаждениям, иными словами – сила корневищ, не ведающих интеллигентных слабостей и рефлексии. То, о чем апостол Павел мудро заметил: ах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в ах моих». Вот и я становлюсь пленником закона языческого, приятного, пропитанного животворящей энергией Эроса. Так сказать, . *кнопка «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в член член обнуляюсь*

Журналистка пришла перед выборами в государственную думу поговорить о политике, но вскоре поняла, что политикой я мало интересуюсь. Разумеется, меня немного напрягло то обстоятельство, что к забытому старику явилась красавица из мира больших городов и денег для того, чтобы поговорить о политике. Что я мог ей сказать? Политика давно стала разновидностью шоу-бизнеса. Какие в нем процветают законы? А какие законы существуют в «промежности»? Мир катится в пропасть. . Все очевидно для глаз, не засоренных мишурой. Странно. В области современной политики худшего специалиста, чем я, найти трудно. Разве что из этих соображений? Чтобы посмешить публику? Чертовка. Красивая. *Уже ближе, чем кажется Но почему она пришла ко мне?*

И я рассказал ей свою позицию как мог, с иронией и допустимой деликатностью, потому что мне было приятно общаться с женщиной из другого мира. Точно инопланетянка спустилась на землю, чтобы встряхнуть старого холостяка.

Я давно решил, что хоровое пение не по мне, а принимать участие в шоу абсурда – это все равно, что свято верить в кучку нечистоплотных людей, которые сумеют построить сказочный город солнца. Даже мечтательность должна исходить из чистых побуждений, из смирения, а не фанатизма. При этом идеалист должен не забывать о том, что живет на грешной земле. Можно построить вместо города солнца концентрационные лагеря и назвать это раем, можно возвести храм до неба без фундамента. И то, и другое отвратительно и долго не живет, но крайности столь любимы людьми публичными и жаждущими власти. Властолюбие – корень всех бед в политике.

Да, примерно так я ей отвечал.

Мое проявление в публичной жизни – это попытки хоть немного разобраться с самим собой. Если я смогу отмыть хоть немного грязи из собственного нутра, и выплеснуть ее так, чтобы не задеть никого из окружающих, верю, что поколеблются небесные сферы. Утилизировать отходы производства души желательно вдали от человеческих глаз. После исповеди в церквах записочки с перечислением грехов сжигают в бочках. Слава богу, можно совершать чистку души в тайне, келейным образом. Без записочек и бочек. В тишине легче заглянуть в себя и покаяться в том, что жжет или саднит совесть. Но раскаяться – это одно дело, а исправиться, то есть переменить характер – совсем другое. Характер – это вторая натура. А если тебе уже под семьдесят лет, натуру трудно изменить. В народе говорят, что горбатых могила исправляет. Скажу больше – упрямец, которым судьба доверила прожить больше шестидесяти, способна изменить лишь шоковая терапия.

Из собственного опыта знаю, что , нежели поменять хоть одну черточку своего характера. *легче горы передвинуть*

3

– Так вам совсем не интересна политика? Совсем-совсем?

Я улыбаюсь. Волосы ее аккуратно собраны в пучок и обрамлены солнцезащитными очками. Ольга мне нравится. Не могу этого скрывать. Улыбка на губах милая, и глаза светятся. Она чуть бледна, но загар закрывает все огрехи, оттеняя большие светлые глаза с каким-то особенным сиянием. Таким лицам не нужна косметика, несмотря на возраст. Белая кофточка плотно облегает фигуру. И запахи. Тонкие едва уловимые ароматы. Ко всему этому я особенно чувствителен. Цвет волос запустил цепную реакцию брожения крови. Болезнь приятная, когда рядом находится источник заражения. Неужели я люблю одиночество? Странно. На вид ей лет пятьдесят.

– Я уважаю политику, если она делается мудрецами. Аристократами духа. Людьми благородными. Так было раньше, когда государственным устройством занимались ученые люди. Сегодня политика – это грязь. В ней нет простых человеческих законов. Там, где двое или трое собираются во имя политики, среди них является демон.

– Любопытно, – улыбается она. – А как же активная жизненная позиция? Как же выражение: «Если вы не занимаетесь политикой, политика скоро займется вами?»

– Ох, уж эти красивые словеса! Я вам могу вырвать из контекста блестящие фразы, и вы не отличите, где святость, а где сумасшествие. Нищие болел маниакальной шизофренией, это факт. Человек, писал он, это лишь бросок в сторону Человека. А? Каково? Политика займется вами только в том случае, когда у власти будут фанатики и тираны. Есть похожее выражение: если долго всматриваться в бездну, тогда бездна начнет вглядываться в тебя. Возникает вопрос: «А зачем смотреть долго в бездну?». Зачем заниматься политикой человеку, который в ней не разбирается ни на грош? Ну, вот мы с вами. Какой прок от наших занятий политикой? Заметьте, умные люди сейчас пропагандируют всеобщее увлечение политикой? Кто только не поносит государственных деятелей? И домохозяйки, и дворники, и нянечки в детских садах. И есть ли прок? Есть. Только не тот, что связан с человечностью. Человек – это личность, самосознающее существо. То есть способное свободно оценивать собственные мысли, поступки, желания. У нас сегодня эту свободу отнимают. Под благовидным предлогом участия в политической жизни. В наши сердца поселяют агрессию к одним людям и странам, и любовь к другим. Если вы, Оленька, желаете сохранить в себе личность, не смотрите бесконечные ток-шоу по центральным российским каналам. Агрессия вытравит из вас все человеческое. Трудно оставаться нейтральным к официальному хамству. Они оправдывают это тем, что на стороне врага тоже хамят. Боже мой! Ну, будьте мудрее, покажите благородство и не мечите бисера перед свиньями. В общем, Ольга, я не против политики как таковой, но я остерегаю вас от активного занятия политикой, если вы хотите сохранить красоту и здоровье.

– Понимаете, Петр, есть понятия, которыми часто спекулируют люди малопорядочные. Активная жизненная позиция, патриотизм, любовь к отчизне. Эти понятия в руках политиков становятся оружием, делящим народ на «своих» и «чужих». Вот что страшно. Нужно сначала разжевать, что значит то или иное понятие. А вообще, вы правы – время абсурда. Активная жизненная позиция – что это? Монах имеет активную позицию? Наверное, имеет. Молитва. А к политике имеет он отношение? Через молитву? Наверное, имеет.

Никто не вправе требовать от человека активной жизненной позиции до тех пор, пока он не приобретет маломальский опыт борьбы с самим собой. Я не люблю бросать на улицах замысловатые фразы, за фасадом которых скрывается бедненькое нутро и худая совесть. Это, как минимум, загрязнение окружающей среды, нарушение экологического порядка. Любителей покрасоваться в толпе зевак я бы сначала пропускал через детектор лжи, чтобы выяс-

нить уровень словесной грязи. Всякое слово – сгусток энергии. Если накопится в невидимом пространстве избыток энергической грязи, город погрузится во тьму. На радость шкодливому бесу.

Терпеть не могу бродить толпой с песнями по проспектам, носить знамена, хоругви, болтаться с лозунгами, которым грош цена, ввергать себя в психоз массового пространства, на собраниях и бить кулаком воздух. Я люблю тишину, спокойствие и людей, которые умеют не только слушать, но и . Кто напропалую орет на улицах, едва ли сможет услышать своего собрата. Чаще всего трибуны не слышат даже самих себя. Публично я начинаю говорить *давать петуха слышать только в тишине, только из тишины и только тогда, когда я слышу перед этим голос собственного сердца.*

Проповедь, которая совершается на повышенных тонах, уже есть диктатура. Отнятие свободы. Только спокойное слово в тишине может быть принято свободно.

Однако на выборы я хожу. Пытаюсь не ошибиться в избрании меньшего зла из нескольких больших.

– *У вас сложный характер?*

Да. Характер у меня невыносимый, это факт. Даже я его с трудом переношу. Не представляю, как меня вообще терпят люди. Домашние животные – это понятно. Они во мне души не чают, но вовсе не от того, что я преисполнен любви к ним. Дело в том, что я регулярно с ними , разговариваю, произношу длинные монологи, которые могут вынести разве что сытые коты или сонные собаки. С животными у меня особенная связь – . А это почти любовь. Как минимум, уважение. Вероятно, мои домашние питомцы думают, что я вожак многоголовой стаи. Пусть так считают. Не стану их разубеждать. Хоть для кого-то буду авторитетом. *общаюсь связь одинокого человека*

Но я не из тех, кто от долгого одиночества превращается в брюзжащего мизантропа. Людей я тоже люблю – ровно настолько, насколько хочу проявления взаимных чувств. Золотой закон нравственности. Моей природе противна публичность и многолюдность, поэтому в проявлении закона любви к людям я довольствуюсь малыми величинами. Люблю все малое.

Иногда бывают гости, включая сына, невестку и трех внуков. Редко, но бывают. Потому что знают о том, что, при всей моей привязанности к родным по крови, я отдаю предпочтение родственности духовной, а она случается один раз на миллион. Да. Это так. Убежден, что кто-то из противной мне породы мастеров сериальной пошлости изобрел представление о том, что дедушки непременно должны водиться с внуками. Заигрывать с ними, таскать на своих плечах, как в телевизионных рекламах, изображать какого-нибудь потешного животного, например говорящего коня или осла, подвывать на развлечение малым, а потом проклинать все на свете от саднящих болей в крестце или пояснице. И на следующий день, уже как в другой рекламе, носиться рысачком по аптекам, в надежде раздобыть хороший обезболивающий препарат. Чуть все это! Я терплю присутствие внуков ровно до той черты, пока они не начинают мне надоедать. А это случается иногда очень скоро, и тогда сын берет в охапку трех внуков, и укатывает на сверкающей, как рыбная чешуя, иномарке к себе в город. Я имею в виду город с квартирами, театрами, офисами, музеями и прочей ерундой. Мне от них многого не надо, но и я не могу многого дать. *. большой Люблю малые величины*

– Дед, – сонно спрашивает младший из внуков, когда остается у меня на выходные дни. – Как ты научился так рано вставать? Расскажи, пожалуйста. Я сейчас не засну. Правда. Ты же знаешь, что когда ты мне что-то рассказываешь, я не засыпаю.

Я улыбаюсь покорно и начинаю импровизировать страшилку в духе Эдгара По.

– Просыпаюсь от того, что не могу понять, где нахожусь, в аду или на этом свете. Болит все, что только может болеть. Фантомные боли, то есть не настоящие. Потому что у меня нет тех органов, которые болят. Зубов нет, а они болят. Рук и ног нет, а они болят.

– Хиии, – ухмыляется малыш. – Врешь, дед, есть у тебя и руки, и ноги.

– Ты что, не веришь? – Вскидываю я брови и делаю серьезное лицо. – Это все не мое. Протезы. Руки и ноги я надеваю по утрам, когда просыпаюсь. Пробудился от боли, и первым делом прикручиваю к туловищу голову. Потом надеваю руки и ноги.

– Ай-ай, – заходится в хохоте маленький Антон. – Опять обманываешь? Чем же ты прикручиваешь себе голову, если руки еще не надел?

– Малец-то умный, – ласково бормочу я. – В нашу породу пошел.

Откровенно говоря, страшилка, которую я рассказываю внуку, не совсем уже и вымысел. Как я начинаю свое утро? Просыпаюсь от боли и в самом деле не могу сразу понять, где нахожусь. Иногда мерещится, что в аду. И у каждой жилки – свой бесенок-мучитель.

Когда прихожу в себя, первым долгом прикручиваю голову – факт несомненный. Необходимо включить мозги. Как только включены мозги, начинаю раздавать приказы телу. Пошевелил рукой, ногой – вроде бы нервные рефлексы сохранены. Кряхтя и пошатываясь, бреду на кухню. Вытаскиваю из холодильника обезболивающие порошки собственного приготовления, запиваю их теплой водой и жду – пройдет ровно двадцать пять минут прежде, чем моя утомленная ядами печень переработает очередную порцию лекарства. Без утреннего обезболивания не могу. Через полчаса я готов размяться. Медленно и тревожно по телу прокатывается волна «вылома», то есть боли наизнанку. Термин моего приготовления, на то я и литератор.

Во время минут пять болтаюсь в невесомости. Лежу на полу в позе мертвеца. Глаза закрыты, мышцы расслаблены. *вылома*

Затем пью крепкий кофе и выхожу на улицу. Час ходьбы всегда в одном и том же направлении, вокруг колонии, плавные потягивания из гимнастики собственного производства, купание гольшом в Черной речке, и я окончательно прихожу в себя. Но для полноты картины не хватает ледяного душа в доме – короткого, как выстрел из пистолета в висок. Столь же неожиданного и счастливого после того, как понимаешь, что пуля прошла мимо головы. Теперь я почти камень. Не хватает утренних молитв и самонастройки. Молитвы самые простые, короткие, те, которые можно произнести умом без языка при полной концентрации внимания на сути молитвы. Включаю сердце. Мозги заработали иначе. Наступает черед самонастройки. Пишу текст, погружаюсь в него, пропитываюсь омолаживающим эффектом. День начался.

– *Петр Николаевич...*

– *Петр Николаевич Дубов. Предостерегаю вас, Дубов – фамилия, а не литературный псевдоним. Многие журналисты считают, что Дубов – псевдоним, а фамилия какая-нибудь заковыристая. Нет. Все так, как вы нашли в интернете. Верно?*

Она смеется. Лучинки вспыхивают у глаз как сотни пушинок одуванчика, поколебленные ветром. Лет сорок пять, не больше.

– *Да, да. Поколение дубов. Раньше фамилии давались по содержанию, а не по форме. Давайте договоримся, Ольга, я буду отвечать на все ваши вопросы с определенной откровенностью. Если вопрос коснется чего-то личного, я сделаю рассеянный и смешной вид и отвечу с сожалением, что память моя больна. Вы спросите, чем? Я отвечу. Амнезия. Выборочная. Тут помню, а тут не помню. Кстати, рекомендую. Один из способов сохранить счастье – память. Необходимо избавляться от ядовитых воспоминаний и возвращать светлые. Опыт человечества. Опыт аскетизма. Психология и религия. В один голос утверждают: психологическая гигиена и покаяние. Если вовремя не пропариться, в душе появится запах тления. Он будет отравлять самочувствие. Возникнет плохое настроение или апатия. И на первый взгляд, без причины. А причина, оказывается, в забытой и подгнивающей мысли.*

– *Хорошо, Петр, я согласна. Значит, вы мне будете иногда лгать во имя добра.*

– *Да. Конечно! И буду искренне считать это истиной. Нет истины там, где нет сочувствия и благородства. И я вам многое не скажу из этих соображений.*

– *Договорились. А вы не будете против, если общение наше перейдет на «ты»?*

– Разумеется, нет. На «ты» перейти, впрочем, легко. А вот обратно с «ты» на «вы» практически невозможно. Но почему-то мне кажется, что обратное «вы» уже не будет. Вы возьмете интервью, уедете. И мы больше не встретимся. Можно рискнуть и перейти на «ты». В сущности, мы люди разных миров. Итак, Ольга и ты?

– Да, – ласково улыбается она. – Мы из разных миров. Потому общаться нам будет легче. Не так ли, Петр? А почему Петр? Обычно в те годы мальчиков называли Юриями, Владимирями, Александрями.

Я не доверчивый тип. Даже в присутствии милейшей особы не распускаю слюни. Да. Я становлюсь циником. Не верю в то, что сегодня люди больших городов и скоростей решатся потратить свое время, которое синонимично, на общение с человеком не от мира сего. Странно то, что она приехала ко мне. Очень странно, что решила перейти на «ты». Еще более загадочно, что она спрашивает больше обо мне, а не об отношении к политике. Зачем-то я нужен ей? деньгам? Что же тебе нужно, милая дамочка? Не ради моих философских бредней ты раскопала обо мне информацию в интернете и прилетела на дорогушем авто из города. Очевидно, тебе от меня нужно что-то такое, чего нельзя купить за деньги в мегаполисах? Но купить там можно все. Разве что кроме искреннего сострадания, тишины, глубокой исповедальной беседы.

Возможно, она раскопала в архивах что-то такое, что я старательно оберегаю от самого себя, не говоря уже об исповеди на листках бумаги или перед лицом священника. Но что? И что она хочет взамен? Что я могу дать, кроме упрямства и твердой веры в собственное мировоззрение? Ум? Сердце? Язвительность? Ум потрепан, сердце истощено, язвительность притупилась. Энергии нет ни на что, кроме утренних кругов по «промежности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.